

ОЛЬГА ГРЕЙГЪ

ЖЕНЩИНА ФЮРЕРА,
ИЛИ КАК ЕВА БРАУН
ПОГУБИЛА ТРЕТИЙ
РЕЙХ

Власть и мистика

Ольга Грейгъ

**Женщина фюрера, или Как Ева
Браун погубила Третий рейх**

«Алисторус»

2016

УДК 82-311.6
ББК 83.3

Грейгъ О. И.

Женщина фюрера, или Как Ева Браун погубила Третий рейх /
О. И. Грейгъ — «Алисторус», 2016 — (Власть и мистика)

ISBN 978-5-906842-17-6

Многие высокопоставленные члены нацистского режима, включая Гитлера, были приверженцами сложных оккультных верований. Была ли любимая женщина главного преступника XX века Ева Браун посвящена в грандиозные планы фюрера, разделяла ли его верования в сверхъестественное?

Многие авторы уверяют: нет! Автор О. Грейгъ не столь категорична, она утверждает, что А. Гитлер делился с Евой своими задумками, граничащими с фантастикой. Среди которых – поиски Копья Лонгина, Святого Грааля, 13-ти хрустальных черепов, древней арийской расы в Тибете, жителей Полой земли, представителей высшей расы в Антарктиде, а также раскрытие тайны Нефертити, чей бюст, обнаруженный в 1912 г. немецкими археологами, хранился в Германии. Так что изначально обрекло Третий рейх на гибель – фантастические проекты, которыми занимались ученые загадочной сети институтов Ahnenerbe и на экспедиции которых тратились огромные средства, или любовь к Еве Браун, потребовавшая много моральных и физических сил – отвлекшие фюрера от основной задачи покорить весь мир?

УДК 82-311.6

ББК 83.3

ISBN 978-5-906842-17-6

© Грейгъ О. И., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

Глава 1. Эффи вступает в жизнь	7
Глава 2. Дом великой иллюзии	12
Глава 3. Фрау Ангела и ее «прелестное дитя»	18
Глава 4. «Большой ребенок, который всем нравился»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ольга Грейгъ

Женщина фюрера, или Как Ева Браун погубила Третий рейх

© Грейгъ О., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

Тебе – с любовью, стирающей преграды между мирами...

*Кто думает, что он знает что-нибудь, тот ничего еще не знает
так, как должно знать.*

*Но знание надмевает, а любовь назидает.
1-е коринфянам, 2; 1*

Глава 1. Эффи вступает в жизнь

Нет повести печальнее на свете, чем повесть о великой любви фройляйн Браун к фюреру Третьего рейха Адольфу Гитлеру. В 1929 году гадалка предрекла Еве: *«Скоро весь мир будет говорить о тебе и твоей великой любви!»* И если действительно сей факт имел место, то гадалка не ошиблась.

Ева Анна Паула Браун родилась 6 февраля 1912 года, в два часа тридцать две минуты ночи. Родители хотели мальчика, и даже заранее придумали ему имя – Рудольф. Но родилась девочка. Она была вторым ребенком в обычной бюргерской семье, ее сестра Ильза Йозефина Мария появилась тремя годами раньше – 18 июня 1909 года. Третьим ребенком в семье Браун будет Маргарета Берта, она появится 31 августа 1915 года.

Глава семьи Фридрих Вильгельм Отто Браун (*Braun*; его также прозывали Фрицем) родился 17 сентября 1879 года в Штутгарте, его отцом был столяр Вильгельм Браун. Подростком Фридрих посещал сперва народную, затем реальную школы, а после обучался столярному мастерству на городской мебельной фабрике. Пробыв менее года на военной службе в 9-й роте 125-го пехотного полка, куда молодой человек записался добровольцем, он после увольнения по состоянию здоровья поступает в художественно-промышленное училище Штутгарта, а затем такое же училище Мюнхена. С осени 1907-го Фридрих Браун уже работает преподавателем в промышленном училище в том же Мюнхене, ведя курс изготовления изделий из дерева.

27 июля 1908 года, будучи 29-летним молодым человеком, он венчается с 23-летней Франциской Кронбургер. Молодожены заселяются в трехкомнатную квартиру, расположенную на 4-м этаже дома на Изабеллаштрассе, 45, где и появятся на свет три очаровательных малышки.

Франциска Катарина Кронбургер (*Kronburger*; обычно ее называли Фанни, или Фаннерль) родилась 12 декабря 1885 года в Гайзельхёринге в семье Франца Пауля Кронбургера, служившего окружным ветеринарным врачом и его жены Йозефы, урожденной Винбауэр. В их семье росло четверо дочерей, среди которых Франциска была старшей. После смерти жены обер-ветеринару Паулю Кронбургеру пришлось переехать в Мюнхен; там он обзавелся новой супругой, с которой и прожил до своей смерти в 1933 году.

Франциска появилась в Мюнхене 18-летней фройляйн, она поселилась у своих сестер и устроилась работать портнихой в модную мастерскую «Augacher». И буквально через две недели у нее появляется воздыхатель. «Через две недели сестры предложили отметить мое восемнадцатилетие в кафе «Петерсхоф», расположенном прямо напротив ратуши, – вспоминала впоследствии Франциска. – Там молодой человек пригласил меня на танец. Мы немного поболтали и, к моему удивлению, выяснилось, что он также увлекается лыжами. Он немедленно пригласил меня в воскресенье за город». А через некоторое время в город спешно приехал отец, раздраженно пытаясь выяснить, что за Браун просит у него руки его дочери... Соблюдая правила приличия девушка вынуждена была вернуться в родительский дом, чтобы на глазах родных встречаться с женихом. Прошло несколько лет, прежде чем она надела свадебный наряд – подвенечное платье своей бабушки. По прошествии многих лет Франциска Браун признается, что мечтала, чтобы в этом платье венчалась ее дочь Эффи, – так иногда ласково, с намеком на исключительную похожесть дочери на мать, прозывали Еву...

Ева Браун со своей старшей на 4 года сестрой Ильзой

Фанни уже имела двоих детей, когда ее муж – в апреле 1914 года – поступает добровольцем в 9-ю роту 2-го резервного полка, стоящего в Мюнхене. Но уже в ноябре его переводят во 2-ю роту 1-го Баварского королевского лыжного батальона, с которым тот и отправляется на фронт. Фридрих Браун воевал в Вогезах, Тироле, Сербии; однако в силу обстоятельств вынужден был перейти в интендантскую службу. В декабре 1914-го Ф. Браун получает чин ефрейтора; в августе 1915-го – обер-егеря. Известно, что с декабря 1916 по май 1917 гг. он служил заместителем инспектора в резервном госпитале «В» в Мюнхене, затем до апреля 1919 г. – в госпитале Вюрцбурга.

Весной 1917-го его семья в полном составе переехала в большую по площади квартиру на третьем этаже дома 93 по Гогенцоллернштрассе. Но разлад, наметившийся еще ранее, завершился бракоразводным процессом. После более 10 лет супружеской жизни – в декабре 1919-го неофициально, а в феврале 1921-го официально – «благополучный брак» распался. Сведения о благополучном браке, четко прописанные в книгах – только один из мифов биографии возлюбленной фюрера.

Беззаботное детство закончилось с первыми ссорами родителей. Но – с кем не бывает! – через три года разлуки Фридрих и Франциска вновь стали супругами, и зажили вместе, вторично оформив брак 1 октября 1921-го.

О годах становления детского характера и переломных моментах, так повлиявших на дальнейшую жизнь Евы, пожалуй, первым из всех рассказал выдающийся современный биограф главных персон Третьего рейха Антон Иоахимсталер. Он нашел свидетелей того, что маленькой девочкой Ева проводила слишком много времени в доме своей подруги Герты Остермейер (1913–1994), в замужестве Шнейдер, впоследствии жившей с четой Гитлер – Браун в знаменитом Оберзальцберге. Оказалось, Ева даже называла чужих родителей «папа и мама»! «Я узнала Еву Браун с 8 лет... в гимнастическом обществе в Мюнхене, где мы многие годы занимались спортом в одной команде. Там и потом шесть лет в лицее и школе она была

моей самой близкой и лучшей подругой. Большую часть своей юности она провела в доме моих родителей и была мне как сестра, а родителям – как дочь», – утверждала фрау Шнейдер. «Фрау Шнейдер была подругой Евы Браун, они знали друг друга с 10 лет. Они жили в Мюнхене и там познакомились. Ева Браун была фрау Шнейдер как сестра, она выросла в доме ее родителей, потому что ее собственные родители мало думали о ней», – подтвердила и домработница Герты Эрнэ Бюттнер. (Антон Иоахимсталер. Женщины фюрера. М., 2007, с. 318.)

Однако прежде чем познакомиться и подружиться с Гертой, Ева некоторое время провела в доме своих бабушки и дедушки в Бейльнгрисе. В 1918-м мать отправляет 6-летнюю девочку к своим родителям, надеясь, что в тех местах полечее с продовольствием, чем в крупном городе, где они жили. Именно там, в провинции, Ева пошла в городскую женскую народную школу, а не в «монастырскую», как сказано в большинстве источников. И этот факт не ускользнул от дотошного Антона Иоахимсталера, тщательно изучавшего документы и фотографии тех лет. Тогда как в разнообразных книгах отечественных авторов чаще можно встретить тексты следующего содержания: «Учиться Ева начала в школе при ближайшем к дому монастыре. По воспоминаниям монахинь, девочка была очень прожорливой и нередко съедала за обедом чужие порции. Больше ничего особенного о ней в те годы не вспоминали». Или: «Школьные учителя говорили о Еве, как о диком ребенке, который все время отвлекается во время занятий и никогда не учит уроки. Образование Евы началось в монастыре, в монастыре же оно и закончилось – Брауны направили уже подросших дочерей в монастырскую школу-лицей». Нет ничего проще человека, – который кажется нам неприятным, и о котором на протяжении десятилетий международными СМИ растиражирована масса уничижительных домыслов, – выставить на всеобщее посмешище; впрочем, *любые комментарии тут излишни...*

По окончании учебного года, на Пасху 1919 года Ева Браун вернулась в Мюнхен, и до 1922 года училась в народной школе, где и подружилась с Гертой Остермейер. И только спустя еще несколько лет в ее биографии появляется монастырская школа – в 1928-м Ева Браун поступает в торговую школу при католическом монастыре в Симбахе-на-Инне, которой руководила англичанка. Но устав от строгости и жестокой дисциплины англиканской школы, девушка в июле 1929-го ушла оттуда, имея свидетельство о торговом образовании. Ее путь лежал домой, в Мюнхен.

В это время старшая сестра Ильза Браун работала ассистентом врача, получая 130 рейхсмарок в месяц у отоларинголога Мартина Леви Маркса. Отдельные исследователи утверждают, что с этим немецким евреем ее связывала не только работа, но и личные отношения. Она жила в доме-клинике Леви с 1928-го до его эмиграции в январе 1937 года. В связи с изменением общественной и политической обстановки в стране и бегства М. Л. Маркса за границу, Ильза Браун уже в октябре 1937 года выходит замуж за господина Хёхштеттера из Берлина, а 15 июля 1941 года, после развода, становится женой господина Фуке-Михельса. Она перенесет много неприятностей, особенно в послевоенное время; и закончит свои дни 28 июня 1979 года в Мюнхене, в доме на Альбрехтштрассе, 2.

Как и ее старшей сестре, Еве подыскивали место ассистента врача, и, в конце концов, желаемое было найдено по объявлению в местной газете. Ева Браун получила место ассистента у 41-летнего специалиста по женским болезням и акушера доктора медицины Гюнтера Хоффманна. Здесь девушка задержалась не более нескольких недель и перешла в машинописное бюро, где также не смогла найти себе применение. Подобный вид деятельности ей был также не по нраву.

В это же время через объявление в газете фотограф Генрих Хоффманн подыскивал для своего нового ателье девушку «для ведения бухгалтерии, текущей переписки и продажи фильмов». Фотография и фильмы в то время были еще достаточно новым и удивительно увлекательным делом.

Впоследствии сам Хоффманн утверждал, что увидел Еву «вероятно, в 1929 году, я не сам лично принял ее, это сделал мой управляющий Рёмер, а я впервые увидел ее уже на работе. Это произошло во время открытия моего магазина в Мюнхене. Ева Браун была у меня ученицей и помощницей продавца. Моя фирма представляла собой фотомагазин всего с 4-мя служащими. Ева Браун работала в бюро, в торговом зале, а также в лаборатории».

Фройляйн Браун получила работу у Хоффманна в конце сентября 1929 года. И это было поистине роскошное место. «Фотодом Хоффманна» (*Photohaus Hoffmann*) размещался прямо на втором этаже дома «Wiener Café Stefanie» на углу Терезиенштрассе и Амалиенштрассе, в так называемом Латинском квартале. Кафе считалось «историческим местом швабингской богемы». «Два внушительных ряда окон второго этажа над кафе, по шесть в каждом, выходящие на обе улицы «Латинского квартала» поблизости от университета, большими современными транспарантами возвещали о месте нахождения «Фотодома Хоффманна». Окрашенный в оранжевый цвет подъезд на Амалиенштрассе ведет к аристократической лестнице на второй этаж... Просторный торговый зал отделан с большим художественным вкусом: изящная мебель, окрашенная в желтовато-розовый цвет, с серыми штрихами, шторы голубые, часы в футляре того же цвета с перекрещенными жезлами на стекле. Предлагается все, что нужно любителю: от оборудования фотолаборатории и до новейшей аппаратуры. Стены завешены драпировкой цвета как у мебели и украшены большими фотографиями, выполненными крошечной камерой «Роллейфлекс» и увеличенными, чем демонстрируются возможности этой камеры. К этому великолепному помещению примыкает большая угловая комната, где размещается бюро, там светлые шторы хорошо гармонируют с гобеленом на стене. Темная резная мебель подчеркивает солидность и одновременно художественный вкус оформителей этого ателье, вмещающего целый ряд специализированных лабораторий: комната для изготовления цветных фотографий и для ретуширования, с сушильным шкафом, электрообогрев которого позволяет высушить пленку за 25 минут. Далее следует помещение для хранения пластинок, выполнения увеличительных работ с помощью новейшего оборудования, как, например, приспособление для одновременного увеличения 36 кадров рулона пленки, отснятой камерой «Лейка»... Лабораторию для изготовления копий также заполняет новейшая аппаратура... Проявление пластинок и пленок, промывание их в машине, приводимой давлением воды, ведется в следующих, специально оборудованных комнатах. На первом этаже на обе улицы выходят большие витрины... Даже вспомогательный персонал Хоффманна состоит только из профессионалов, обученных по индивидуальным программам, отличающим «Фотодом Хоффманна», – печатала газета «Фёлькишер беобахтер» (*«Völkischer Beobachter»*) в номере за 8 ноября 1929 года.

А теперь вспомните кадры из и поныне часто демонстрируемых советских фильмов, где присутствует сцена встречи Евы Браун с фюрером Германии в фотоателье Хоффманна: никакой оригинальности, роскошь и художественный вкус оформителей отсутствуют напрочь, видны лишь безликие стены, безликие стеллажи с книгами, безликое узкое пространство, отделенное убогой шторкой – убожеством личного домосклада советские режиссеры привычно награждают героев любого отечественного «патриотического кино».

Однако заглянем в популярную энциклопедию «Кто был кто в Третьем рейхе», чтобы побольше узнать о господине фотографе, сыгравшем немаловажную роль в судьбе юной Евы Браун. Но прежде всего нужно сделать акцент существенном нюансе: в немецком языке окончания фамилий «*mann*» почти всегда означали принадлежность к немецкой нации, тогда как «*man*» – к еврейской. Однако все советские источники это игнорировали (да и нынешние авторы чаще всего тоже), тогда как именно пресловутый «еврейский вопрос» стал едва ли не главной причиной, погубившей весь Третий рейх. Вопрос: «Немец (и др.) или еврей?» – в 30—40-е годы XX века звучал также трагично по своему накалу, как гамлетовский: «Быть или не быть?»

В названном источнике имя господина фотографа значится как Гофман. «Гофман (*Hoffmann*) Генрих (12.9.1885, Фюрт, Бавария – 16.12.1957, Мюнхен), личный фотограф А. Гитлера, профессор (1938). Сын владельца фотоателье. Участник 1-й мировой войны; военный фотограф. После окончания войны демобилизован; в 1919 выпустил свой первый фотоальбом «Баварская революция». В начале 20-х гг. познакомился с Гитлером в Мюнхене. Они сблизились и Г. стал постоянным спутником фюрера. Гитлер часто посещал дом Г. в Мюнхене – Богенхаузене. Г. познакомил Гитлера со многими представителями мира культуры Баварии, в т. ч. с вдовой сына композитора Р. Вагнера – Винифред Вагнер. Очередной взлет Г. начался после того, как Гитлер познакомился в 1929 с работавшей в его ателье фотомodelью Е. Браун, которая в 1931 после гибели Г. Раубал стала метрессой фюрера. Это способствовало укреплению позиций Г. среди руководства НСДАП, а Б. фон Ширах даже женился на его дочери. Будучи талантливым фотографом, Г. во многом способствовал росту популярности Гитлера. Долгое время Г. был единственным, кому Гитлер разрешал фотографировать себя в неформальной обстановке. После усиления позиций НСДАП, которая стала второй партией Германии в Рейхстаге, фотографии Г. стали широко использоваться при издании открыток, иллюстрированных альбомов, плакатов и т. д.» (К. Залесский. Кто был кто в Третьем рейхе. М., 2003, с.с. 234–235).

Впрочем, практически то же мы встречаем в примечаниях к книге уже упоминаемого нами Антона Иоахимсталера: «В 1920 году вступил в НСДАП, получил номер 925. ... Считался первым фотографом Третьего рейха – имперским фотографом (*Reichsbildbericht*)» и т. д.

Именно в роскошное заведение Генриха Хоффманна и заглянул в очередной раз Адольф Гитлер, чтобы нежданно-негаданно встретить главную женщину всей своей жизни. Был октябрь 1929 года, «маленькой продавщице» Еве исполнилось 17, тогда как ему было уже 40 лет.

Глава 2. Дом великой иллюзии

Имеются разнообразные свидетельства того, что господин фотограф умышленно сводил фюрера и молоденькую работницу фотоателье, чтобы усилить свое влияние на руководителя партии. И понуждать Еву к этому не было причин, ведь она сама мечтала об Адольфе Гитлере. «Красивая и жизнерадостная девушка понравилась ему, но все чувства, какие он мог испытывать, принадлежали тогда его племяннице Гели Раубаль, стоявшей очень близко к нему. Поэтому он не обращал внимания на очевидное поклонение Евы», – свидетельствовал Юлиус Шауб, адъютант Гитлера с 1925 года.

Возможно также, что Генрих Хоффманн, преследуя личные амбициозные цели, имел намерение отвести дорогого гостя от... своей дочери Генриетты (Хенни). В 1929-м, в год открытия им нового предприятия в доме с «Венским кафе Стефани», Генриетте было почти 16 лет. Однако, будто бы эта «ранняя» девочка сама проявляла недетский интерес к приветливому господину с усиками «щеточкой». Богемная атмосфера кафе, прозванного еще «Кафе великой иллюзии» (*Café Grössenwahn*), где собирались мелкие лавочники, крупные торговцы, бюргеры, таланты с претензией на изыск и даже настоящие гении, пользовалась исключительной популярностью. Не мудрено, что любил сюда заходить и Адольф Гитлер; он, учившийся некогда на художника, не был чужд искусству и богемному шику, впрочем, прекрасно осознавая истинную цену многим талантам... Некоторые авторы, в том числе и немецкий писатель Эрих Шааке считают, что некоторое время Гитлер едва ли не ежедневно сидел в кафе на плюшевом диване, читал газету или смотрел, как посетители играют в шахматы или бильярд. Там же любил проводить время Генрих Хоффманн, – по словам Э. Шааке, «пухлый малый с красным носом алкоголика», а по определению Э. Ханфштенгля, «третьесортный фотограф и известный гомосексуалист»; нет ничего беспардоннее обвинять успешных людей – после их кончины! – в самых порочных и немыслимых грехах. Также как сомнителен и факт, что для усиления своего влияния на руководителя партии Хоффманну приходилось использовать молоденьких работниц фотоателье. Это могло быть всего лишь одним из факторов влияния, но никак не основным! Стоит только вспомнить, что отец Генриха Хоффманна, выходец из саксонского рода, был придворным фотографом баварского короля и делал фотографические портреты принца-регента Луитпольда Баварского и его сына, последнего баварского короля Людвига III. Тогда как сам юный Генрих в 1905 году имел честь фотографировать Вильгельма II и русского Императора Николая II, когда венценосные особы изволили охотиться в парках дворца Фюрстенберг. Для контраста приведу несколько замечаний Эрнста Ханфштенгля (Ганфштенгль; *Hanfstängl*), касающихся фотографического предприятия – нет, не «третьесортного фотографа», а... Впрочем, вот: «Ганфштенгли были уважаемыми людьми. В течение трех поколений они являлись личными советниками герцогов Сакс-Кобург-Готских и прославились как знатоки и покровители искусств. Семейное предприятие, которое основал мой дед, было и остается до сего дня одним из старейших в области репродукций произведений искусства. Фотографии моего деда Ганфштенгля, запечатлевшие трех германских кайзеров, Мольтку, Рона, Ибсена, Листа, Вагнера и Клару Шуман, в свое время олицетворяли стандарт качества» (Э. Ганфштенгль. Гитлер. Утраченные годы. М., 2007, с. 17). Бесспорно по аналогии: в свое время «стандарт качества» олицетворяли фотографические работы семейства Хоффманнов, – именно по этой причине Генрих Хоффманн и стал официальным фотографом вождя национал-социалистов в Германии.

В кафе, располагавшемся под фотоателье Хоффманна, часто спускалась Хенни, относя отцу телеграммы и различные послания. Здесь она и виделась с господином Гитлером задолго до его стремительного политического взлета.

В литературе можно с легкостью найти растиражированную самой Хенни версию о ее двусмысленном столкновении с Адиком, когда ей было шестнадцать. «...я пошла спать, но немного позднее раздался звонок... наверное, отец что-нибудь забыл. Но это был господин Гитлер. «Я забыл мой хлыст» (в другом источнике – собачью плетку, – авт.)... Я подала ему его... На господине Гитлере был английский плащ спортивного покроя, в руке он держал свою серую велюровую шляпу. Теперь он сказал такое, что совершенно невозможно было ожидать; совершенно серьезно он сказал: «Не поцелуете ли Вы меня?» Он сказал: «Вы». Что за спектакль: целовать господина Гитлера! Он мне нравился, потому что поддерживал мои желания, даже помогал мне, когда я что-либо просила у отца... Но целовать? «Нет, пожалуйста, не надо, господин Гитлер, это невозможно!» Он ничего не сказал, стукнул хлыстом по своей ладони и стал медленно спускаться по ступеням ко входной двери».

Тогда как Генрих Хоффманн утверждал о том же происшествии, будто бы его дочь, сама взяв дорогого гостя за руку, увлекла его под ветви омелы и одарила поцелуем, от которого гостя в буквальном смысле покорило. «Я никогда не забуду удивленного и испуганного выражения на лице Гитлера. «Обычай есть обычай и его нельзя бояться... Вы нравитесь женщинам, господин Гитлер!» ...Но Гитлер не нашел в этом ничего смешного, он попрощался с холодной вежливостью и ушел домой». По старому обычаю, ветку омелы в канун новогодних праздников вешали над дверным проемом, и каждому разрешалось под ней поцеловать любого, кого хочется.

Даже если имели место эти два ставших известными широкой публике случая, – это не может быть ни свидетельством того, что Адик недолюбливал женщин, ни что он был развратником. С таким же успехом можно утверждать, что Гитлер имел честь в понимании устоев семьи и, будучи увлеченным одной женщиной, не пытался соблазниться другой... К тому же многие свидетельствуют, что разъяренный Гитлер произнес классическую фразу: *«Если целовать, то не меня. Я – тот, кто целует сам»*. И только истинные женщины по достоинству оценят подобный ответ...

Впрочем, чего уж там! – в одном из источников место под омелой занимает не Хенни, а некая Эльза (Э. Шааке. Женщины Гитлера. М., 2003, с. 80); причем дамы на этой вечеринке были сплошь феминистки: все с «дерзкими короткими стрижками, они курили сигары через длинные мундштуки, с собой они принесли пластинки с самой новомодной музыкой», – что явилось причиной для Гитлера вести себя скованно...

Однако надо припомнить и тех авторов, кто предполагал, будто Гитлер совратил Хенни Хоффманн, когда девочке исполнилось 14 лет, и будто бы это дало ее отцу право стать первым фотографом партии и даже... собрать коллекцию порнографических рисунков, сделанных рукой Гитлера. Подобные сведения впервые озвучил Эрнст Ханфштенгль, оказавшись вдали от нацистской Германии – в США. Думается, речь об этом успешном торговце предметами искусства и приближенном сотруднике Адольфа Гитлера 20-х-30-х годов XX в. пойдет ниже. В словах этого господина, упрекнувшего немецкого патрона в просмотре «клубнички» и в создании порнографических рисунков, видится прямое ерничанье. «Говорят, что он (Хоффманн. – Авт.) изготавливает или собирает порнографические фотографии и фильмы, которые демонстрирует Гитлеру наедине. В высших партийных кругах хорошо известно, что сам Гитлер когда-то рисовал много порнографических рисунков. Позднее задачей Хоффманна стало приобретение этих рисунков у их новых владельцев, и Гитлер тратил для этой цели огромные деньги». Так свидетельствовал Эрнст Франц Зедвиг Ханфштенгль по прозвищу «Пуци», который не только сожительствовал со своей родной сестрой Эрной, но и исправно выполнял функции разведчика. И прекрасно осознавал: что он лично хочет оставить в Истории...

Однако в качестве ремарки добавлю: упрекать ученика творческой мастерской или художественного училища, или даже мастера кисти в том, что он много пишет с голой натуры, – это все равно, что автора «Данаи» обвинить в мракобесии.

В 1930-м году Генриетта Хоффманн окончила школу и поступила в Мюнхенский университет, одновременно став членом НСДАП (получила билет с номером 26.3026). Несмотря на приверженность Хенни национал-социализму, все же винить ее в этом «проступке» так же нелепо, как любую советскую девушку, в свое время вступавшую в комсомол. В немцах также культивировали веру в Гитлера, как в стране Советов – в Ленина (Сталина, КПСС и прочий идеологический *бренд*).

Фото Евы Браун в маскарадном костюме. 1928 г.

Во время учебы Хенни познакомилась с изучавшим в стенах университета историю искусств, музыку, англоведение и египтологию студентом Бальдуром Бенедиктом фон Ширахом (*von Schirach*). Сын генерал-интенданта из Веймара (по другим сведениям, из Берлина, где он родился 9 марта 1907 года) имел членский билет НСДАП за номером 17.351, оказавшись в рядах единомышленников еще в августе 1925 года. Молодые люди стали активно участвовать в создании академических газет и бюллетеней партийной направленности. Известно, что фон Ширах являлся одним из редакторов «Германского будущего» (*«Deutsche Zukunft»*) и др. Молодой человек активно выступает на собраниях Национал-социалистического немецкого студенческого союза. И с 5 июня 1932 года Бальдур фон Ширах – по решению Адольфа Гитлера – становится руководителем Национал-социалистического немецкого студенческого союза. Его таланты были оценены по достоинству. После принятия в Германии 1 декабря 1936 года закона о молодежи барон Ширах становится статс-секретарем имперского кабинета; так руководитель молодежи страны получает дозволение стать равным в ареопаге власти.

В 1932 г. фон Ширах стал депутатом Рейхстага и рейхслейтером, а 16 июня 1933 г. – руководителем молодежи Германского рейха (*Jugendführer des Deutsches Reiches*). 12 декабря 1939 г. он вступит в вермахт, и станет служить в чине лейтенанта в элитном полку «Великая Германия» до июня 1940-го, проведя несколько месяцев во Франции, пока не будет отозван из армии и направлен гауляйтером в Вену.

В 1939 году в Германии – по примеру СССР – появляются дочерние партийные организации, ответственные за обязательное членство молодежи в партийных ячейках и ее обязательную службу *на дело партии*.

Тогда как молодежное национал-социалистическое движение Германии (*Гитлерюгенд*, по аналогии: *Ленинский/Сталинский комсомол*) вписывало коричневые страницы в свою историю, ее непримиримые соратники из комсомольских рядов на просторах 1/6 суши переворачивали кроваво-красные страницы своей славной биографии. Не так много прошло времени с зарождения этого молодежного движения в СССР, показавшего пример оболванивания (правильней: зомбирования) огромного пласта населения преступной идеологией. До конца 20-х годов в СССР имели силу нелепые требования, вписанные в 1-й Устав РКСМ: «Каждая комсомолка обязана отдаться любому комсомольцу по первому требованию, если он регулярно платит членские взносы и занимается общественной работой». Но главной задачей комсомола, ставшего называться ВЛКСМ, являлось «помогать партии воспитывать юношей и девушек на великих идеях марксизма-ленинизма, на героических традициях революционной борьбы, на примерах самоотверженного труда, вырабатывая и укрепляя у молодежи классовый подход ко всем явлениям жизни». За внедрение Устава и выработки «правильного» классового подхода в среде молодежи страны отвечали первые руководители: коммунист и деятель Коминтерна Оскар Львович Рывкин (1899–1937); коммунист Лазарь Абрамович Шацкий (1902–1937); др. В 30-е годы ответственный пост занял коммунист Александр Васильевич Косарев (1903–1939), прошедший героические традиции революционной борьбы на фронтах Гражданской войны, научившись с 15-и лет хладнокровно убивать своих соотечественников в единичных и массовых расстрелах.

Комсомол являлся организацией, буквально вцементированной в советское общество. То же произошло с организацией молодежи НСДАП в Германии. Но если система строительства молодежной организации была немцами заимствована у коммунистов, то ее идеологическая основа – являлась диаметрально противоположной и евреев в руководстве, конечно же, не было и быть не могло в силу приверженности наци к чистоте расы. Впрочем, об обобществлении Женщины, об отрыве ее от семьи, вовлечении в рабский труд и профессиональную военизированную подготовку, как это было сделано в СССР, – также не могло идти речи. В то время, когда в Германии устанавливалась централизованная система Союза молодежи, в СССР пытались справиться с назревшей проблемой. «Настоящая беда заключалась в том, что на комсомолках жениться не хотел никто. Им-де, ребятам, нужны жены, а не «орательницы» – в русском языке есть глагол «орать», имеющий случайно лингвистическое родство с термином «оратор». Им нужны хозяйки дома, а не партийные шлюхи...», – свидетельствовал о событиях тех лет, исходя из личного журналистского опыта, известный русский публицист, ставший эмигрантом, Иван Солоневич (1891–1953).

Немецкая нация времен Третьего рейха возвеличила культ немецкой семьи и культ здорового тела, – тогда как советские комсомольцы трудились на бесконечных «комсомольских стройках», а юные бедолаги из бывших загибались в многочисленных, созданных декретом В. И. Ленина в декабре 1918 года, концентрационных лагерях.

Но именно в те годы, когда молодую коричневую волну направлял Бальдур Бенедикт фон Ширах, у наших стран и молодежных движений оставалось еще очень много общего...

«Они могли вколачивать в наши головы все свои тезисы: то, что мы, немецкая молодежь, – самая замечательная молодежь в мире, что мы лучше, чем все другие (идентичный тезис очень активно использовался в СССР. – Авт.), что здоровее и т. д. – Рената Финк, 1926 года рождения»; «В 1936 году мне было десять лет, и я стал членом *Дойче юнгфольк* (то же, что *пионерия* в СССР. – Авт.)... И вот теперь мы принадлежали к большим юношам, нам разрешили носить портупею и нож... И повсюду был Гитлер, его портреты висели везде. Он, как писали во всех газетах, спас Германию от большевизма, от евреев (эти два понятия: *большевизм*

и *евреи* были в фашистской Германии почти синонимами. – *Авт.*). Но теперь в Германии все возрождалось, и мы как Юнгфольк в Гитлерюгенд тоже способствовали этому. Все это было похоже на нечто вроде религии. – *Эрих Лёст, 1926 года рождения*»; «То, что мы не случайно зовемся Гитлерюгенд, становилось для нас в процессе идеологической обработки все яснее. Но только после войны я действительно осознал, что игры на местности (аналог советской боевой «игры» «Зарница». – *Авт.*), привычка к повиновению, маршировка, униформа, звуки фанфар и бой барабанов (все это имелось у пионеров и комсомольцев в СССР. – *Авт.*) были по сути своей подготовкой к войне. Я почувствовал это уже в начале 1945 года, когда меня научили обращаться с противотанковым оружием и потребовали, чтобы я умер геройской смертью за Гитлера. – *Рейнхард Анпель, 1927 года рождения*». Цитаты приведены по книге: Гвидо Кнопф. Адольф Гитлер. Психологический портрет. М., 2006, с.с. 72–73.

Советские люди, прошедшие путь пионеров и комсомольцев, в массовом порядке узнавшие «игры на местности, привычку к повиновению, маршировку, униформу, звуки фанфар и бой барабанов», сдававшие нормы «на значки ГТО» (Готов к труду и обороне!), стрелявшие в школьных стенах под руководством военруков и вне школы в многочисленных тирах, – к сожалению, в большинстве своем так и не поняли, что «все это было по сути своей подготовкой к войне», – к великой войне за Мировую революцию. Накрепко вдолбившие в свои головы стихи и песни советских поэтов о героических подвигах юных, погибших за советскую власть, – эти фанатичные дети и подростки готовы были умирать «за Родину, за Сталина, за Коммунистическую партию!». Но как горько и умирительно выглядят нынешние полунищие старички, не дождавшиеся от некогда великой краснзнаменной родной страны ни приличных пенсий, ни заслуженных достойных удобств, ни социальных гарантий, и продолжающие рассказывать о боевой романтике их «самого счастливого детства» и «прекрасной комсомольской юности»; верящие до сих пор, что все они делали правильно, «показывая пример всему миру», – так, «как завещал великий Ленин»...

Известно, что в начале 30-х годов XX века в теплом климате среди божественных красот русского тогда еще Крыма собирались на свои ритуальные сходки *коминтерновцы* – члены так называемого Коммунистического интернационала, которые могут быть означены как международные преступники, виновные в масштабных планетарных бедствиях не менее чем осужденный победившим «прогрессивным международным сообществом» гитлеровский фашизм. В 30-е годы XX века, – когда поработанные большевистско-коммунистической властью народы СССР познавали массовый голод и даже... каннибализм, – эти орды сытых бандитов и развратников, собранных по всему миру для обучения в секретных школах Коминтерна, уже выбрасывали руки вверх, показывая солидарность в деле *построения коммунизма* на Планете... Жест, когда прямая рука взлетает в приветствии, использовался вождями Коминтерна еще задолго до того, как он стал официальным символом фашистского приветствия.

В годы, когда миллионы советских людей, – в соответствии с тайными и амбициозно-циничными планами вождя, товарища Иосифа Виссарионовича Сталина, – готовились к мировой войне, загигаясь под лозунгами: «Пятилетку – в четыре года! ... в три года!», жирующие на бесплатных деликатесах и ублажаемые профессиональными шлюхами коминтерновцы изучали основы управления странами, которые – одна за одной – должны были становиться *советскими*.

– Нам нужна Вторая мировая война! – призывая русских на бойню, картаво орал еще в 1916 году злой гений антирусской революции Ленин-Бланк.

Но *пожар мировой войны* тогда не раздули даже силы Тухачевского, храбро ринувшиеся в поход на Польшу и трусливо отступившие. Попытка не удалась. А за *годы пятилеток* товарищ Сталин учел все, чтобы подобное не повторилось, и чтобы открытая всем, озвученная классиками марксизма-ленинизма конечная цель как можно дольше оставалась всего лишь «словесным фактором»...

– Нужно, чтобы кто-то начал НАШУ войну и пусть этот ледокол развалит Европу! – знаменитая фраза, сказанная Иосифом Виссарионовичем в 1939 году. Тот, кого он определил на роль «ледокола», был его ставленник (вместе с финансовыми кланами Запада и США), его товарищ и марионетка Адольф Гитлер.

Но пока немецкий вождь еще не понял всей тайной игры, он продолжал строить свою Пирамиду власти. И не последнее место в ней занимал Бальдур фон Ширах, женившийся на Генриетте Хоффманн в 1932 году. Свадьбу молодожены праздновали в квартире Гитлера на Принцрегентенплац. В подарок от вождя супруги получили овчарку. А вскоре Генриетта фон Ширах одарит отечество четырьмя дворянскими отпрысками: 28 января 1933 г. родится Ангелика, в 1934-м – сын Клаус, в 1938-м – Роберт, в 1941-м – Рихард.

В 1940 году ее муж, как уже говорилось, был назначен гауляйтером Вены, став одновременно имперским наместником Вены и имперским комиссаром обороны Вены и окрестностей. Главной задачей, поставленной перед Ширахом, было сделать Вену городом, свободным от евреев. В соответствии с поручением фюрера от 2 ноября 1941 года ему надлежало эвакуировать пришедших чехов и выслать евреев в генерал-губернаторство.

В Вене семья фон Ширахов прожила до 1943 года, располагаясь в комфортабельной служебной вилле на Хоэнварте, 52. В их распоряжении была и усадьба в Хелентале, куда любила наведываться повзрослевшая Хенни. А ведь, казалось бы, прошло совсем мало времени, когда она вместе с Гели Раубаль или Евой Браун (или все вместе?) – на машине и в сопровождении Адольфа Гитлера – ездила на милые пикники на Химзее. Они располагались в выбранном укромном месте между лесом и озером, и эти идеальные идиллические часы давали им право думать, что впереди – только размеренное блаженство и полная значимости жизнь. «Жизнь для нас была праздником, который только начался», – передавала свои впечатления о тех днях юная Хенни Хоффманн. Но праздник, начавшийся с кофейных запахов заведения, расположенного под фотоателье ее папеньки, с пасторальных пикников на лоне мюнхенских предместий, с лыжных катаний и девичьих забав, превратил всех своих героев в участников *Grössenwahn* – соучастников великой коричневой иллюзии...

Глава 3. Фрау Ангела и ее «прелестное дитя»

Знакомство Хенни Хоффманн и Евы Браун произошло после принятия последней в фотоателье. «...я узнала Еву Браун, когда та была еще юной девушкой, у нас имелись велосипеды, и мы часто катались вниз по Леопольдштрассе, к Унгерербад. Мы плавали в ледяной воде озера Мариензее и ныряли под водопад, тогда еще существовавший. Ева красиво прыгала в воду с 3-метровой доски и могла ходить на руках. Она участвовала в танцевальных конкурсах и получала там призы... Ева, изящная, невысокая учительская дочка из Мюнхена, продававшая фильмы в фотомагазине моего отца, с ее декольте, очаровывала покупателей и всегда была превосходной фотомodelью, когда ее фотографировали для рекламы», – писала престарелая Генриетта фон Ширах в своей книге «Женщины вокруг Гитлера» («Frauen um Hitler»), изданной в 1983 году. В своих послевоенных изданиях Генриетта Хоффман-Ширах многократно утверждала, что является «старой подругой» Евы Браун. Хотела ли она на склоне лет стать еще более причастной к великим именам, соединенным притягательно-зловещей Историей? – не знаю, однако в молодые годы она охотно называла свою «подругу-Еву» «глупой», как, впрочем, и другую соперницу – Гели Раубаль. Историки и биографы подтверждают, что до середины 30-х годов заносчивая Хенни относилась к Еве с явным оттенком превосходства.

Несмотря на то, что некоторые историки отрицают факт знакомства Евы и Гели Раубаль, все же имеются сведения, что девушки познакомились в 1930 году на традиционном Октоберфесте; *Oktoberfest* – крупнейший пивной фестиваль в мире, проводящийся в Мюнхене. По традиции начинается в третьи выходные сентября и заканчивается в последнее воскресенье октября; тогда же все фермеры празднуют конец сбора урожая. История этого любимого в народе праздника берет начало от свадьбы кронпринца Людвиг (ставшего королем Баварии Людвигом I) и принцессы Терезы Саксен-Хильдбургхаус в 1810 году. «Думаю, она была знакома с Гели, поскольку то и дело говорила о ней. Но я... не знаю, часто ли они встречались», – свидетельствовала и мать Евы, Франциска Браун после войны.

Гели, она же Ангелика Раубаль (в русской транскрипции встречается написание Раубал) была дочерью сводной сестры Адольфа Гитлера Ангелы Франциски Йоханны Гитлер (1883–1949). Их общий отец Алоиз Шикльгрубер (1837–1903) сменил фамилию на Хидлер (*Hiedler*), чтобы получить наследство, оставленное его матерью Анной Хидлер (в девичестве Шикльгрубер), но вследствие ошибки нотариуса, стал после прозываться г-н Гитлер (*Hitler*).

Овдовев, отец будущего фюрера Германии женился на его матери, 25-летней Кларе Пёльцль третьим браком, когда ему было почти 50 лет. Это событие произошло в 1885 году; малышке Ангеле исполнилось всего два года. С 1889 по 1892 гг. Ангела Гитлер посещала муниципальную женскую школу в городе Браунау-на-Инне. Этот город имел определенную и вполне заслуженную славу как место экстрасенсов и медиумов, однако сей дар из всего семейства Гитлеров проявится только у Адика (но, поговаривают, что некоторые из предыдущих поколений этой семьи имели такие же таланты).

Повзрослев, Ангела Гитлер – 14 сентября 1903 года – вышла замуж за служащего налогового ведомства Лео Рудольфа Раубаля, сына финанс-секретаря Карла Раубаля из австрийского города Рид. Однако через семь лет, в августе 1910-го, в возрасте 31 года, ее супруг скончался, оставив после себя сына Лео (родился в 1906 г.), дочь Ангелу (1908 г.) и полугодовалую малышку Эльфриду (*Фридль*, родилась в 1910 г.).

Потеряв мужа, Ангеле Раубаль, которой едва исполнилось 27 лет, пришлось управляться не только с тремя детьми, но и отвечать за 14-летнюю сводную сестру Паулу Гитлер (1896–1960), которая на тот момент училась в лицее в Линце. Вдовья пенсия оказалась слишком незначительной, чтобы семья чувствовала достаток; но и прибавка из сиротских пособий в 50 крон каждое также не могла покрыть всех необходимых расходов. Уже в июле 1911 года жив-

ший тогда в Вене 22-летний Адольф Гитлер отказывается от своего пособия в пользу родной сестры Паулы. Глава семейства была вынуждена искать работу в Вене. Остались документы, свидетельствующие, что в 1915 году Ангела Раубаль работала в женском учебном пансионе, в 1919 году заведовала женским пансионом, в 1920 году заведовала еврейской кухней при Венском университете (других национальных кухонь в учебном заведении не было, хотя там учились представители десятков национальностей). В городе тогда среди прочих активно работал и Еврейский комитет высшей школы, который следил за работой еврейской кухни.

«Вена – это город, олицетворяющий кровосмешение», – изрек как-то Адольф Гитлер. Имели ли личные впечатления фрау Ангелы и высказывания о контингенте «подопечных» значение для твердо ставшего на позиции национал-социализма Адольфа? Были ли они определяющими в исполнении «главного» деле, которое по приказу фюрера вел в Вене в начале 40-х годов XX века гауляйтер Бальдур фон Ширах? Возможно, да, а, может, вовсе и нет... Но Ангела Франциска Йоханна Гитлер-Раубаль охотно покинула университетский буфет, променяв свою начальственную должность на обязанности экономки в доме сводного брата.

Летом 1928 года (по иным сведениям, в 1927-м) Гитлер снял в Оберзальцберге сельский дом «Вахенфельд» («*Wachenfeld*»).

Известно, что после ареста, отсидки в тюрьме Ландсберга-на-Лехе (с 11 ноября 1923 по 20 декабря 1924) и запрета на выступления, Адольф Гитлер с 1925 по 1927 годы много времени проводил в долине Берхтесгадена, в Оберзальцберге, и эти места стали для него воплощением природной гармонии. Гармонии, перенесенной – для него! – на другой континент мира... «Да, с этой горой я очень прочно соединился... Я совершенно влюбился в этот ландшафт», – честно и почти сентиментально признается фюрер своему окружению. И, потакая его неподдельной любви к очаровательной горной долине, его соратники найдут ему идентичное место, возведя там и новый, идеальный «*Wachenfeld*», прозываемый уже «*Berghof*».

Сельский дом в Оберзальцберге являл собой строение (11,5×8,8 м) с террасой и хозяйственной постройкой. В 1933 году постройку, где размещались прачечная и дровяной сарай, разломали, чтобы построить вытянутый в длину дом с пятью комнатами и прочими удобствами для адъютантов, прислуги, охраны, врачей и проч. В самом доме имелись: на первом этаже – большая (около 40 м²) комната-гостиная, кухня, кладовая, туалет, комната для домработницы (9,4 м²), на втором – две спальни (по 20,4 м²), две комнаты (по 11,8 м²) и ванна с туалетом. Все комнаты верхнего этажа соединялись балконом шириной 1 м. Вид, открывавшийся с этого балкона, был просто великолепен, – о чем может судить каждый, просматривая хронику, периодически транслируемую по ТВ как в авторских передачах о временах Третьего рейха, так и вставляемую в художественные фильмы. Сочные луга и живописные Альпы, с которых *фен* сдувает завесу тумана, воистину волшебны.

Летом 1928 года Ангела Раубаль вместе с младшей дочерью Эльфридой приехала в Оберзальцберг. Ее дочь Гели с декабря 1927 года находилась в Мюнхене, а сын Лео – учился в педагогическом училище Вены. В поместье привезли и Вольфа – девятилетнюю овчарку Гитлера (была подарена на 33-летие Адольфа, в 1922-м), но вскоре там появятся еще две собаки: Мука и Блонди. По документам, основным арендатором дома «Вахенфельд» была Ангела Раубаль, тогда как господин Гитлер в налоговых и иных бумагах проходил как... писатель. Как известно, в июле 1925 г. вышел первый том книги «Майн кампф», в декабре 1926 г. – второй.

Многолетний секретарь Адольфа Гилера Кристина Шрёдер характеризовала Ангелу Раубаль как «крайне решительную и энергичную персону. Ее венская кухня была великолепна... она была деятельным, энергичным и абсолютно уважаемым человеком... Ее фигура также вызывала уважением. Она не только осуществляла строгий надзор над персоналом дома, но считала себя ответственной также за благополучие своего брата, от чего тот не слишком был в восторге... Она была аккуратной домохозяйкой и превосходной поварихой». Паула Гитлер разделяла это мнение: «Моя сводная сестра, бывшая много старше и энергичнее меня, должна

была во всем быть первой... и для меня было ясно, что мы не должны демонстрировать споры за право на брата. Поэтому я осталась в Вене, а моя сводная сестра Ангела стала в Оберзальцберге управлять хозяйством моего брата. Осенью 1934 года эта эра закончилась. Он хотел быть абсолютно свободным и никем не связанным».

«Дом Вахенфельд», он же Бергхоф – в 1928–1945 гг. резиденция Адольфа Гитлера в Баварских Альпах в долине Берхтесгаден, Германия

Заботливая и властная австрийка стала при господине Гитлере не только экономкой, но и секретарем, ведь если Гитлеру требовалось передать записки и сообщения, то прежде их отдавали фрау Ангеле.

Дом, оформленный в аренду с правом преимущественной продажи, в начале 30-х годов стал, наконец, собственностью рейхсканцлера Адольфа Гитлера вместе с земельным наделом. Тогда же на участке началось строительство гаража, террасы и зимнего сада над ним, также велись перестройка и расширение дома. Работами ведал владелец строительной фирмы в Мюнхене, член НСДАП с 1922 года и участник путча Гитлера (за что позже был награжден орденом Крови) Отто Шидермайер. Впервые идиллическую усадьбу отгородили от остального мира высокой проволоочной изгородью, чтобы толпы страждущих видеть рейхсканцлера дни напролет не бродили вдоль окон. Кроме того, отныне вокруг изгороди стояли часовые из караульных частей и службы безопасности.

Еще в конце 1929 года прошел партийный съезд в Нюрнберге, когда перед Гитлером впервые промаршировали 20.000 бойцов СА, одетых в одинаковую форму. Среди восторженно ликующей толпы зрителей находились фрау Ангела Раубаль с дочерью Гели, которую Геббельс охарактеризует в дневнике как «прелестное дитя». А злой язык Путци Ханфштенгля представил «пустоголовой маленькой дрянью, у которой ни мозгов, ни характера» (впрочем, почти также он говорил и о Еве).

В сентябре 1935 года будет проводиться очередной съезд партии (получит название «Съезд свободы», *«Der Parteitag der Freiheit»*), участие в котором примут уже 100.000 руко-

водителей и 54.000 рабочих, а также недавно сформированные части вермахта. Среди гостей съезда будут присутствовать и дамы из окружения Гитлера, среди которых, конечно же, будет и фрау Раубаль, – одна, без своего «прелестного дитя»... Милая Гели трагически погибнет в 1931-м; ее место рядом с фюрером к тому времени займет другое милое создание – Ева Браун.

Во время съезда и фрау Раубаль, и фройляйн Ева, проживающие в Нюрнбергском отеле «Kaiserhof», явно не оказывали друг другу симпатии. Впрочем, прохлада наблюдалась в первую очередь, со стороны сестры Адольфа. «Между дамами были довольно натянутые отношения, – говорил впоследствии во время дачи показаний Юлиус Шауб, – можно даже сказать, что образовались два лагеря, первый – вокруг фрау Раубаль, второй образовали дамы, на которых неохотно смотрели из первого лагеря. К тому времени фрау Раубаль, вероятно, впервые узнала об отношении ее брата к Еве Браун, что он покупает ей платья и делает ей подарки. И она совершенно открыто демонстрировала свою враждебность по отношению к Еве Браун».

Это небрежение к пассии фюрера лишило фрау Ангелу братней любви, и вскоре по распоряжению Адольфа Гитлера она была вынуждена покинуть благословенную долину Берхтесгадена, чтобы выехать на лечение в Бад-Нойхейм. Несмотря на затаенную обиду, Ангела Раубаль нашла свое утешение в поездке, где ей посчастливилось познакомиться с доктором технических наук, профессором Мартином Хаммишцем, директором государственного строительного училища в Дрездене. 20 января 1936 года они поженились, и с 1937 года стали проживать в Дрездене.

Вместе с матерью из поместья выехала и младшая Раубаль – Фридль, которая пребывала там с 18-ти лет, со времени окончания лицея в Вене. Девушка уехала к брату Лео, а в июне 1937 года она выйдет замуж за адвоката доктора Эрнста Хохэггера и станет проживать, как и мать, в Дрездене. Лео Раубаль в 1939 году станет лейтенантом люфтваффе и 31 января 1943 года будет взят в плен под Сталинградом. Выживет, и после войны станет учительствовать в Линце.

Утверждают, что именно после того, как Ева добилась своей цели – удаления непримиримого врага, вся личная территория Гитлера в Оберзальцберге досталась ей одной. Возможно, слухи, распускаемые о «связи» Адольфа и его племянницы Гели Раубаль, столь коробили нервы хозяина поместья, что он давно для себя решил избавиться от присутствия матери несчастной девушки. И такой случай представился...

Глава 4. «Большой ребенок, который всем нравился»

Был ли Адольф Гитлер любовником Гели? – вопрос до сих пор из разряда спорных. Многие авторы полагают, что связь имела место, а иначе чего бы ей стреляться из пистолета Гитлера? Биография вождя немецких национал-социалистов столь интересна, что оставляет многогранный простор для всевозможных любителей «клубнички». Однако и среди бесконечных авторских предположений и многочисленных признаний «свидетелей» можно встретить довольно-таки трезвые рассуждения отдельных исследователей. Причем, любопытный факт: чем дальше от тех событий, тем раздаются все более трезвые голоса желающих знать истину, а не «жареные факты» на потеху пиршественно улюлюкающей толпы, причисляющей себя к победителям «страшной коричневой чумы».

Ангела Мария Раубаль, которую чаще всего называли Гели, родилась в Линце-на-Дунае 4 июня 1908 года. Когда ее мать получила место в женском учебном пансионате в Вене в 1915 году, девочке пришлось поехать жить в Пейльштейн к свояченице матери Марии Раубаль, где она станет посещать народную школу. Но через два года девочка вернется к матери и поступит в гимназию, по окончании которой в марте 1922 года, 13-летняя Гели вновь вернется к тетке Марии Раубаль, которая к тому времени уже выйдет на пенсию и купит небольшой домик в Линце. И ее племянница до получения аттестата зрелости станет посещать занятия в Линцской академической гимназии. Знакомство Гели-младшей со ставшим уже знаменитым дядей произойдет в июле 1924 года. 16-летняя Гели и ее 18-летний брат Лео приедут навестить заключенного в тюрьму Ландсберг Адольфа Гитлера и будут приятно поражены, узнав, что камера их родственника буквально засыпана подарками, цветами, шоколадом и книгами, приносимыми толпами поклонников и поклонниц.

Порядки в тюрьме напоминали мужское общежитие или даже санаторий средней руки. А господин директор тюрьмы самолично ходатайствовал за... досрочное освобождение «видного политика, преданного делу спасения Германии» и, получив бумаги на освобождение Адольфа Гитлера из-под стражи, первым пришел к нему с этой приятной вестью. Узник провел в неволе девять месяцев, и, – как некогда Владимир Ильич Ленин, познавший «тяготы царских тюрем» и «горький хлеб проклятого царизма», – потолстел, поздоровел, отдохнул, признав государственную тюрьму «университетом за государственный счет». И так же, как красный «вождь мирового пролетариата», издавший декрет о концентрационных лагерях, этот коричневый вождь покончит с либерализмом государственной пенитенциарной системы.

Выйдя на волю, Адольф почувствует реальную поддержку, усилит свою веру в единомышленников и наполнится энергией, которая поможет ему преодолеть скорые годы многих потерь и разочарований. Путь до политического Олимпа будет не легок. Но пока, попав домой, он с радостью примется поглощать пылким взглядом охапки букетов и россыпь лавровых венков, венчающих головы только самых отчаянных победителей...

Летом 1926-го вместе с учителем и однокашниками-гимназистами Гели приедет в Мюнхен на экскурсию, а заодно встретится с дядей. Возможно, именно в тот раз состоялся серьезный разговор о ее будущем. Не важно по чьему совету (матери или дяди, действовавших в этом вопросе согласовано), однако уже осенью 1927 года 19-летняя Гели поступает на медицинский факультет Мюнхенского университета (по неизвестным причинам исключена после зимнего семестра). Наверняка юную, очаровательную веселушку больше, чем медицина, увлекала музыка. По совету дяди она посещает знаменитого композитора и дирижера Адольфа Фогля (в других вариантах – Фогеля), считавшегося экспертом по произведениям Рихарда Вагнера, чтобы брать уроки пения. По свидетельству А. Иоахимсталера, «в одном из разговоров после войны Фогль признал, что Гели Раубаль бывала у него: она была очень жизнерадостной

девушкой, и Фогль полностью исключает возможность ее самоубийства» (с. 243). И это весьма и весьма важное замечание!

Большинство биографов представляют Гели Раубаль как «цветущую, ростом около 170 см, предрасположенную к полноте, с красивыми карими глазами, темноволосую, необычайно жизнерадостную, самостоятельную и уверенную в себе, иногда склонную к упрямству, музыкальную – с красивым и приятным голосом, говорившую с австрийским акцентом. Она хорошо рисовала и интересовалась прикладным искусством. Так как она в школе много общалась с мальчиками, то не была застенчива, имела открытый характер и любила шутки. Можно сказать, это – большой ребенок, который всем нравился» (по описанию Юлиуса Шауба). Большинство авторов сходились в мысли, что Гели, имевшая славянскую кровь, была очень похожа на красавицу-славянку, но вместе с тем обладала прекрасными темными волосами. Основной ошибкой поспешливых биографов и всевозможных «знатоков Третьего рейха» (особенно из бывшего СССР) стала чья-то некогда запущенная ошибка о светловолосой Гели Раубаль, – как идеале арийской женщины, без взгляда на фото героини. «Ангела приехала с двумя дочерьми – Фридль и Ангелой Марией, которую домашние звали Гели. К этой живой девушке со светлорусыми волосами окружение Гитлера относилось по-разному» (А. Васильченко. Секс в Третьем рейхе. М., «Яуза», 2005, с. 91). То же самое – в переводной книге Эриха Шаака «Женщины Гитлера», вышедшей в издательстве «АСТ-Астрель» в 2003 году. «Первой большой любовью Гитлера стала Гели (Ангела) Раубаль, его двоюродная племянница. Впервые они встретились в 1925 году в Берхстегадене на юго-востоке Баварии. Недалеко от него Гитлер, став канцлером, построил свою резиденцию. Тогда он был просто очарован 17-летней светловолосой пухленькой девушкой с приятным, тихим голосом... Она (Ева. – *Авт.*) была такой же светловолосой, как и Гели, и сразу же понравилась фюреру» (Б. Соколов. Адольф Гитлер. Жизнь под свастикой. М., «АСТ-пресс», 2006, с.с. 141, 143). А вот подобные «свидетельства» других авторов, печатавшихся в той же претенциозной, что и книга Б. Соколова, серии «Историческое расследование»: «В сентябре 1929 года Гитлер поселился в новой большой квартире на Принцрегентенплац. В качестве экономки он пригласил свою сводную сестру Ангелу. Накануне Рождества она, недавно потерявшая мужа, приехала в Мюнхен вместе с двумя дочерьми – Эльфридой и Ангелой, или просто Гели, которые хотели обучаться в баварской столице живописи и пению» (Л. Белоусов, А. Патрушев. Любовь диктаторов. Муссолини. Гитлер. Франко. М, 2001, с. 240). Если для авторов разница почти в 20 лет означает «недавно потерять мужа», – то о каком серьезном подходе к теме можно вообще говорить?! Допустить в одном абзаце сразу несколько неточностей – это довольно обычное на постсоветском пространстве явление, особенно если писатели обращаются к слишком неоднозначной и непростой теме истории времен Третьего рейха. Не избежала интерпретации (т. е. небрежного списывания из недобросовестных источников) и биография Евы Браун, и коль мы решились на цитирование глупостей, то упомянем и эту книгу, в которой на нескольких страницах приводятся факты из жизни нашей главной героини Евы Браун. «Они познакомились в 1929. Семнадцатилетняя дочь профессора католицизма и бывшей чемпионки по фигурному катанию... /Она с удовольствием работала секретарем-ассистентом у Генриха Хоффмана, редактора газеты «*Volkischer Beobachter*»... Появление в редколлегии миловидной блондинки не осталось незамеченным. Вскоре многие стали догадываться, в чем причина частых визитов Ади в здание редакции... /В это время он жил с девятнадцатилетней Анжелой Раубаль, которую нежно звал Гелией». Это из книги «100 великих любовниц» автора-составителя И. А. Муромова (М., «Вече», с. 431); многотомная серия о 100 великих названа в газете «Литературная Россия» *ста конфузками*, – и поделом!

Но, справедливости ради, стоит указать, что желающим писать всегда было (и есть) откуда черпать как недостоверные факты, так и откровенную ложь. Во-первых, полагаясь на заидеологизированные труды советских историков; во-вторых, на бредовые измышления западных коллег-писателей, вроде Найджела Которна (смотри, к примеру, его книгу «Интим-

ная жизнь диктаторов», состряпанную на пренебрежительных, зачастую даже извращенных личных домыслах, ничего общего не имеющих с реальными историческими фактами). А в третьих, сомнительно полагаться на свидетельства западных авторов, писавших свои труды в послевоенное время, по горячим следам, но не избежавших ошибок в приводимом фактологическом материале (пожалуй, более логичны и серьезны труды наших западных современников, пользующихся уже многими открытыми архивами). Для наглядного примера приведу это предложение: «Въехав 3 сентября 1929 года в свою новую квартиру на Принцрегентенплац, Гитлер тут же пригласил к себе на должность экономки свою сводную сестру Анжелу, которая недавно овдовела и, как и ее дочери Эльфрида и Анжела, хотела учиться в Мюнхене живописи и пению» (Н. Ган. Ева Браун: жизнь, любовь, судьба. М., 2003, с. 16. Напомню, что американский журналист издал свою книгу еще в 1968 году.). Или еще: «Летом 1928 года Гитлер снял в Оберзальцберге у вдовы гамбургского промышленника виллу «Вахенфельд» за сто марок (25 долларов) в месяц и выписал из Вены овдовевшую сводную сестру Ангелу Раубал для ведения хозяйства в доме, который он впервые в жизни мог назвать своим¹. Фрау Раубал привезла с собой двух дочерей – Гели и Фридл. Гели было двадцать лет. Пышноволосяя, белокурая...» и т. д. – так вспоминал (!) очевидец времен становления Третьего рейха и также американский журналист Уильям Ширер, выпустивший книгу «Взлет и падение третьего рейха» (в русском переводе вышла в 1991 г.). Признаюсь, мне также приходится заглядывать в переводные иностранные источники, а потому, возможно, не всегда удастся избежать некоторых ошибок в описании отдельных событий, приведении биографических дат или имен.

...Что удивительного в том, что Гели – девочка, рано потерявшая отца и практически его не помнящая, надолго застыла в *детстве*? Разве это не естественная защитная реакция? Что больше всего удивляет ее при первых встречах с дядей? – она поражена его желанием делать ей подарки и опекать. Впрочем, Гитлер был ответственным и добропорядочным родственником; встретив свою младшую сестру Паулу в 1920 году, после многолетней разлуки, на упрек, что ей было бы легче, если бы все эти тяжкие годы он давал о себе знать, Адик ответил: «Я сам ничего не имел и не мог тебе помогать; а если я не мог помогать, то и не хотел давать о себе знать...» и... «первое, что меня поразило, – он пошел со мной за покупками», – признавалась взрослая Паула.

Он, мужчина, умудрившийся взять жизнь, как берут быка за рога, он, даже оседлавший это строптивое животное, осознавал свой личностный долг перед семьей. Взять хотя бы первое завещание, написанное в 1938 году, где А. Гитлер четко определял размеры ежемесячного пособия своим родным, включая и Ангелу Раубаль-Хаммиш, с которой был в размолвке, и Фридль Раубаль-Хохэггер. Известно также, что свою младшую сестру Паулу, с которой они были слишком непохожи, слишком далеки, Адольф также всегда поддерживал; до 1945 г. она получала от брата ежемесячно по 500 рейхсмарок, а в апреле 1945-го по поручению Гитлера ей, приехавшей в Берхтесгеден, было передано Шаубом 100.000 рейхсмарок.

Изыскивая всякие неприличия в поведении взрослого дяди и его простодушной молоденькой племянницы, авторы друг за другом пересказывают факт, что когда Гели приходила на уроки музыки к заменившему Фогля преподавателю музыки Гансу Штреку («адъютант Людендорфа в дни путча, который убедил Гитлера, что девушку можно научить пению»), будто бы Гитлер «тайком пробирался в квартиру преподавателя, подслушивал из прихожей пение своей племянницы. Штрек его как-то поймал. Учитель пения нашел, что Гитлер вел себя «как влюбленный школьник», его поведение нельзя было назвать нормальным» (Э. Шааке. Женщины Гитлера. М., 2003, с. 104). Однако, во-первых, «тайком» пробраться в квартиру учителя было невозможно, потому что дверь приходящим открывала прислуга, во-вторых, что плохого ожи-

¹ Впоследствии он купил эту виллу, а когда стал канцлером, то реконструировал ее, превратив в огромный роскошный особняк, которому дал название «Бергхоф». – *Прим. авт.*

дать несколько минут вне кабинета, где идут занятия? В-третьих, сведения о «влюбленном» Гитлере распространил все тот же Эрнст Ханфштенгль, а после позаимствовали другие авторы. На это же указывает и Эрих Шааке, взяв слова о влюбленности в кавычки и сделав сноску, однако мысль ему явно пришла по душе, иначе бы он не сделал вывод о ненормальности чужого поведения. Впрочем, у самого Ханфштенгля мне встретилась другая фраза о тех же событиях: «Иногда он приезжал сам и заходил за ней до окончания урока, тихо входил и слушал из зала» (Э. Ханфштенгль, с. 175).

В отношениях с девушками Гитлер не позволял себе ничего лишнего. И вряд ли в этом видится небрежение женщинами и предпочтение им мужчин, – о чем также любят рассуждать многие. Скорее всего, истоки такого, замечу – абсолютно нормального для первой половины XX века! – поведения кроются в пуританстве и соблюдении традиций. Семья и брак еще святы в обществе. И судить о поведении мужчин, живших почти 100 лет назад, мы можем, только отказавшись от той наносной свободы блуда, которую нам прививает развращенное общество и СМИ. «Девушки (речь идет об уже упоминаемых поездках на природу. – *Авт.*), как это позже описывала Генриетта Гофман, – подыскивали скрытое кустами место для купания: «Мы купались обнаженными и высушили затем на солнце: надеялись стать совсем коричневыми. Как-то на обнаженную Гели села целая стайка бабочек». Гитлер при этом всегда держался на расстоянии от девушек. Сам он никогда не плавал и даже не показывался в купальном костюме – ему было бы неприятно, если бы его тело видели другие. Вместо этого он сидел в своих коротких кожаных штанах под елью и читал книги. В самые жаркие дни он снимал обувь и носки и шлепал босыми ногами по мелководью» (Э. Шааке, с.с. 105–106).

Во время ли таких идиллических радостей на лоне природы усиливалась симпатия Гели Раубаль к личному шоферу дяди – Эмилю Морису, который «исполнял на гитаре для Гели ирландские народные песни» (по свидетельству Генриетты Хоффманн)? Тот же А. Иоахимстальер отрицает подобное, потому как, по его словам, Гели Раубаль приехала в Мюнхен 5 декабря 1927 года, а Эмиль Морис был уволен шефом 22 декабря 1927 года (работал с марта 1925 г.). Однако молодые люди могли познакомиться прежде, например, в 1926-м, когда гимназистка приезжала с экскурсией в Мюнхен и встречалась с матерью и дядей. К тому же факт тайной помолвки между ними действительно имел место. Впрочем, довольно подробно об отношениях этой пары в свое время было рассказано в книге Анны Марии Зигмунд «Лучший друг фюрера» (вышла в переводе на русский в 2006 г.).

Известно, что Морис за события ноября 1923 года также девять месяцев провел в тюрьме Ландсберга, и стал водителем Гитлера через некоторое время после отсидки. В своих показаниях в 1948 году он сообщал: «В 1926 году я вступил в партию и СС. Причиной моего выхода из партии в конце 1927 года явилась моя помолвка (с Гели Раубаль), которая не устраивала Гитлера. Он просто перестал меня использовать, не объясняя причины. После того как я прожил свои сбережения, я подал на него в мюнхенский суд по разбору трудовых конфликтов, добиваясь выплаты причитающегося мне жалования. Суд обязал Гитлера уплатить. С этими деньгами в 1928 году я начал свое дело как часовщик. Тогда меня считали «вне закона» из-за того, что я посмел пожаловаться на Гитлера».

«Когда в декабре 1927 года он (Эмиль Морис. – *Авт.*) был помолвлен с Гели Раубаль, Гитлер потребовал от него либо немедленно расторгнуть помолвку, либо уйти с его службы. Поскольку Морис не согласился на первое, Гитлер уволил его и резко оборвал дружбу с ним», – писала в стенографических заметках Кристина Шрёдер. Любители «клубнички» увидели в этом увольнении лишь месть влюбленного дядюшки. Тогда как ответ кроется в широко (!) цитируемом письме Гели Раубаль к Эмилю Морису от 24 декабря 1927 года: «Одно мы должны твердо понять. Дядя Адольф требует, чтобы мы ждали два года... Подумай только, Эмиль, целых два года, когда мы лишь украдкой можем целоваться и всегда оставаться под присмотром д. А. (дяди Адольфа)». Но что свершится через два года? – всего-навсего наступит совер-

шеннолетие Гели! И разве отцы в добропорядочных семьях немецких бюргеров поступали иначе?! Да, Адольф Гитлер ей не отец, но он, взяв на себя заботу о семье, отчасти заменил Гели отца. Судите сами хотя бы по этому письму (цитируется по книге А. Иоахимсталера, с. 246–247).

«Мой милый Эмиль!

Почтальон принес мне уже три твоих письма, но я никогда так не радовалась, как читала последнее из них. Наверное, причина в том, что мы в последние дни так много пережили. За эти два дня (с 22 декабря) я так страдала, как никогда прежде. Но так должно было случиться, и это определенно хорошо для нас обоих. Теперь у меня такое ощущение, что эти дни связали нас навсегда. Одно мы должны твердо понять. Дядя Адольф требует, чтобы мы ждали два года... Подумай только, Эмиль, целых два года, когда мы лишь украдкой можем целоваться и всегда оставаться под присмотром д. А. (дяди Адольфа). Ты должен работать, чтобы заработать нам на жизнь. ...кроме моей любви и безусловной верности Тебе... Я бесконечно люблю тебя! ...Дядя Адольф требует, чтобы я училась дальше... Сейчас он ужасно ласков. Я хотела бы принести ему большую радость, только не знаю, как это сделать... Но дядя А. говорит, что наша любовь должна оставаться тайной... Думаю, я буду совершенно счастлива. Вечером мы увидимся у рождественской елки или, может, даже днем? Милый, милый Эмиль, я так счастлива, что могу остаться с Тобой. Мы будем видеться часто и часто наедине, это обещал мне дядя А. он – золото. Представь себе, если бы я теперь оказалась в Вене. Я бы долго не знала о тебе ничего. Мне так одиноко в Вене, хотя там моя мать. Ты был бы здесь, в Мюнхене. И я обязана этим главным образом фрау Гесс. Сначала я не хотела, чтобы она пришла ко мне. Но когда она пришла, то была так ласкова, она – единственный человек, верящий, что Ты действительно любишь меня, и поэтому я ее полюбила. Надеюсь, Ты получишь письмо уже сегодня вечером!

Тысяча поцелуев от Твоей Гели.

Я очень счастлива!»

Гитлер со своими племянницами Анжелой «Гели» и Эльфридой Раубаль

Основной смысл послания таков: дядя (взявший на себя роль отца) требует, чтобы девушка не только ждала своего совершеннолетия, но и продолжала образование, тогда как мужчина, готовый на ней жениться, обязан трудиться для обеспечения будущего семьи. Также следует обратить внимание на то, что мать легкомысленной Гели находится далеко от дочери, а тут еще фрау Гесс, единственный человек, верящий, что Морис действительно любит племянницу Адольфа Гитлера, – человека, имеющего вес и стремящегося к вершине власти.

Дядя Адольф, пообещавший Гели игрушку – замужество с симпатичным ей человеком, простым парнем-шофером, еще несколько лет наблюдал за сменой капризных девичьих желаний, среди которых были и желания новых помолвок. «Я оставляю за собой право находиться рядом и не спускать с нее глаз до тех пор, пока она не найдет себе мужа, отвечающего моим требованиям», – рационально и совсем по-отечески подметил Гитлер в разговоре с Генрихом Хоффманном. Кстати, дальнейшая судьба Эмиля Мориса вовсе не была трагичной из-за конфликта с Гитлером. Несмотря на судебные разбирательства, этот человек остался верен нацистским идеалам, он принимал участие в печально известной «Ночи длинных ножей», сопровождал Гитлера в Бад-Висзее, в 1936 г. стал депутатом Рейхстага, в 1937 г. – руководителем Общества профессиональных ремесленников в Баварии и президентом Торговой палаты Мюнхена, в 1939 г. – еще и оберфюрером СС. Риторический вопрос: разве мог так продвинуться по служебной лестнице человек, которого глава государства считал бы своим соперником в деле любви?! Эмиль Морис вскоре после размолвки с Адольфом Гитлером женился, завел детей, и был вполне счастлив со своей супругой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.